

РЭЙ ХАРТ

Пышка
для кавказца

КУРОРТНЫЙ РОМАН

18+

Рэй Харт

**Пышка для кавказца.
Курортный роман**

«Автор»

2026

Харт Р.

Пышка для кавказца. Курортный роман / Р. Харт — «Автор», 2026

Света ненавидит своё тело. После измены парня, с худой любовницей, она зареклась: никаких мужчин. Кавказские горы должны были стать убежищем, где можно залечить раны под шум водопада. Но в отеле есть другой постоялец. Константин — широкоплечий, темноволосый, с аккуратной небритостью и взглядом, от которого ноги подкашиваются. Он смотрит на неё так, будто она — единственная женщина на земле. Он — разведён, богат, опасен. Она — смешливая пышка, привыкшая прятать бёдра. Он обещает: никакой спешки. Только прогулки в горы, горячие источники и поцелуй руки. Света не верит, что такой мужчина может желать её всерьёз. Но когда остаётся последняя ночь в отеле, он заставляет её забыть все запреты. Она возвращается в Москву с именем в сердце и без номера телефона. Но проходят недели — и у её подъезда останавливается тонированный джип. С букетом неприлично красных роз. И он выходит. Только вот бывшая жена Константина, готова размазать Свету по грязи за то, что она украла её мужа.

© Харт Р., 2026

© Автор, 2026

Рэй Харт

Пышка для кавказца. Курортный роман

Глава 1. Прах ожиданий

Солнце плавилось над бассейном, превращая хлорированную воду в жидкое стекло. Я сидела на шезлонге, запакованная в парео, как муха в янтаре. Катя уже наматывала круги в бирюзовой глубине, её худое тело рассекало водную гладь с такой лёгкостью, что тошнота подкатывала к горлу.

Нет, я не завидовала.

Хорошо, завидовала. Белой завистью, от которой в груди разливалась та же горечь, что и в тот вечер, когда я влетела в квартиру Семена с тортом в руках.

«Блин. Только не это.»

Торт был с клубникой. Его любимый. Я заказала у той кондитерши из Инстаграма, которая делает бисквиты, которые тают на языке. Хотела порадовать. Глупая, жирная, счастливая Света с дурацкой улыбкой до ушей.

Ключ повернулся в замке бесшумно — он менял смазку месяц назад и хвастался потом, как тихо теперь закрывается дверь. Я толкнула её, скидывая туфли на каблуках прямо в прихожей. В руке шуршал пакет с десертом.

Сначала я подумала, что Семен смотрит порно.

Такое бывало. Я просто закатывала глаза, ставила чайник и ждала, пока он закончит. Но эти звуки были «слишком» настоящими. Мокрыми. Влажными. С хрипом, скрежетом, как будто кого-то душили.

Я не пошла на звук.

Моё тело замерло в прихожей, как вкопанное. Ноги приросли к паркету. В пакете с тортом что-то хрустнуло — я сжимала его так сильно, что коробка начала проминаться.

Третий стон. Семен.

Я узнала бы его выдох где угодно. Тот самый, которым он награждал меня по пятницам, когда мы занимались сексом — быстро, привычно, без света. Он даже не смотрел на меня. Говорил, что глаза закрывает от усталости.

Вот, значит, от какой усталости.

Дверь в спальню была приоткрыта на десять сантиметров. Десять гребаных сантиметров, за которыми рухнула вся моя жизнь.

Она стояла на четвереньках на нашем белье. Светлом. Новом. Я купила его на распродаже в «Икее» и гордилась, что мы теперь взрослые — с нормальным постельным комплектом, а не с тем старьём, которое Семен притащил из общаги. Блондинка. Тощая. Спина ходуном ходила, а он вцепился ей в волосы и долбил так, будто это был последний раз в его жизни.

Я смотрела на его пальцы. Те самые, что перебирали мои волосы, когда мы смотрели фильмы. Те самые, что я держала в своей ладони, когда он болел.

В пакете хрустнуло громче.

И они замерли.

Семен посмотрел на меня через плечо. И знаете, что было в его глазах? Не страх. Не стыд. Злость. Будто это я ворвалась в чужую квартиру и испортила ему вечер.

Я смотрела на кухню, где на плите стояла чугунная сковорода. Та самая, на которой жарила ему котлеты по маминому рецепту. Воображала, как сжимаю ручку, замахииваюсь. Кладу эту муду с такой силой, что его череп трещит, как грецкий орех.

Потом я смотрела на неё. На ключицы, выпирающие из-под его пальцев. На худые лопатки. На талию, которую можно обхватить двумя ладонями.

Она была размером меньше меня. На три, нет, на четыре размера.

Торт полетел в мусорное ведро по пути к лифту. Я не плакала до тех пор, пока не зашла в кафе на первом этаже. Заказала три шарика пломбира с солёной карамелью и мороженое потекло по пальцам, пока я пыталась размазать слёзы по щекам, как идиотка, чтобы никто не видел.

Официант принёс салфетки. Милый мальчик с прыщавым лбом, наверное, студент. Он ничего не сказал, просто поставил стакан с водой и ушёл.

Я ела мороженое и думала: почему я просто не взяла сковороду?

— Свет! Ты слышишь меня вообще?

Холодные капли попали на плечо. Катя вылезла из бассейна и теперь отряхивалась надоевшей, как мокрый спаниель. Её волосы, бесцветные и тонкие, прилипли к вискам. Очки запотели.

— Ты в каком мире витаешь?

— В прошлом, — я поудобнее завернулась в парео. Ткань была тонкой, почти прозрачной на свету, и я чувствовала, как солнце проникает сквозь неё, щекочет кожу. — Пытаюсь забыть, зачем я вообще сюда приехала.

Катя хмыкнула, плюхаясь на соседний шезлонг. Её купальник — дешёвый, китайский, с какими-то выцветшими цветами — облепил плоскую грудь.

— Чтобы отдохнуть от работы. И от мужиков. Ты что, так и не передумала?

— Я сказала себе: никаких мужчин. — Я приподняла солнечные очки, посмотрела на неё в упор. — И я держу слово.

— Ты — дура.

— Возможно. — Я опустила очки обратно.

Катя фыркнула, достала телефон и начала листать ленту, подставляя живот солнцу. Бледная кожа уже начала розоветь, но она не замечала. Или ей было всё равно.

Я смотрела на парочку у края бассейна. Он — смуглый, с полотенцем на плече. Она — миниатюрная, с осиной талией, в кружевном купальнике, который, наверное, стоил как моя двухмесячная зарплата. Он что-то шептал ей на ухо, а она смеялась, запрокидывая голову, и солнце целовало её шею.

Зависть скрутила кишки тугим узлом.

Не то чтобы я хотела быть ей. Мне нравилось моё тело. В сотне разных мелочей: как наливается грудь в бюстгальтере, как мужские пальцы утопают в боках, как тени скользят по изгибам, когда я прохожу мимо витрин. Нравилось. До того вечера.

А после я каждый день смотрела в зеркало и проверяла: «достаточно ли я похудела?»

Спойлер: недостаточно.

Я заказала ещё лимонад у плавно скользящего между шезлонгами официанта. Высокий стакан с мятой и льдом. Вода на зубах. Горьковато и холодно.

«Здесь хорошо,» — сказала я себе. — «Здесь горы. Здесь нет Семёна. Здесь никто не знает, что твой парень трахал ту, у которой рёбра видны и ключицы.»

— Вечером у меня свидание, — небрежно бросила Катя, не отрываясь от телефона. — Лева. Помнишь? Я вчера тебе фото показывала.

Я вспомнила. Рыжий, тощий, как рыба кость. Глаза близко посажены, улыбка лошадиная. Он работал в каком-то отеле — то ли администратором, то ли аниматором — и говорил с акцентом, от которого у меня сами собой складывались руки в молитвенном жесте.

— Поздравляю, — я сделала глоток и чуть не подавилась, когда поняла, в чём дело. — Ты его подцепила в первый же день?

— А что время терять? — Катя пожала плечами, и её позвонки выступили под кожей, как чётки. — Он классный. Весёлый. К тому же, я не собираюсь становиться монахиней из-за того, что какой-то мужик предпочёл мне куриную грудку с ножками.

Я промолчала.

Куриная грудка с ножками.

Очень смешно.

Вечером я лежала в кровати, уставившись в потолок. Номер у нас был приличный — две спальни, крошечная кухонька, вид на горы. Катя сняла его со скидкой, каким-то чудом выловив горящее предложение. Сказала: «Отдохнём, как королевы». Я тогда ещё не знала, что слово «отдохнём» в её понимании значит «пересплю со всеми мужчинами в радиусе километра».

Стена была тонкой. Очень тонкой.

Я слышала каждый стон. Каждый хрип. Каждый удар чужого тела о край кровати. Лева, судя по звукам, оказался не таким уж и костлявым в постели. Или Катя умела так кричать, что создавала иллюзию.

Я натянула подушку на голову.

Закрыла глаза.

Семен не прикасался ко мне три месяца до разрыва. Три месяца я думала, что у него стресс на работе, что он устаёт, что мы просто переходим в новую фазу отношений — без страсти, но с теплом. Три месяца я гладила его по спине по ночам, а он отодвигался на край постели.

Я почти поверила, что не хочу секса.

Почти.

Так приятно врать себе, когда правда жётся, как кислота.

Катя застонала особенно громко, и я выругалась в подушку. Спокойной ночи, Света. Твоя подруга только что кончила третий раз, а у тебя месячный запас карамельного мороженого в мини-холодильнике — единственная отрада.

Никаких мужчин, — напредила я себе. — Ты приехала восстанавливаться, а не разбиваться заново.

С этими мыслями я провалилась в сон, где Семен догонял меня с чугунной сковородой, а я бежала, и ноги увязали в клубничном торте.

Утром Катя сидела на кухне в моей огромной футболке, потягивая кофе с таким видом, будто выиграла в лотерею.

— Ну как он? — спросила я, кидая в кружку пакетик с зелёным чаем. Глаза слипались после бессонной ночи, под ними залегли лиловые тени.

— Офигенно, — она откинулась на спинку стула, счастливая, как чеширский кот. — Ты просто не представляешь. У него язык просто...

— Катя, — я подняла ладонь. — Пожалуйста. Только не в деталях.

— А что? Ты же сама сказала, что мужики тебе не нужны. Вот я и делюсь опытом.

Перед глазами всё ещё стоял тот самый рыжий парень с зубами лошади. Нет, спасибо. Его языку я предпочла бы свою подушку.

— Рада за тебя, — я отхлебнула чай, обожглась и выругалась. — Правда. Рада.

— Слушай, — Катя подалась вперёд, её глаза за очками блестели. — А может, ты тоже кого-нибудь найдёшь? Ну, просто пообщаться. Никто тебя не заставляет под юбку сразу пускать.

— Я сказала: никаких мужчин. — Отрезала я.

— Упрямая, как ослица.

— Я предпочитаю слово «принципиальная».

Катя закатила глаза и ушла в душ. А я осталась смотреть в окно. Горы там были — огромные, зубчатые, покрытые утренней дымкой. Казалось, они дышали. Медленно, тяжело, как спящий зверь.

Я вдруг поняла, что хочу в горы. Хочу подняться так высоко, чтобы воздух резал лёгкие, чтобы всё внизу казалось маленьким и неважным. И Семён. И та блондинка с ключицами-спицами. И моя вечная гонка за чужим одобрением.

Может, в горах я вспомню, каково это — дышать полной грудью.

Через два дня я стояла у стойки регистрации, разглядывая яркие буклеты с экскурсиями. Горы. Водопады. Ущелья. Горячие источники.

Пальцы скользили по глянцевой бумаге, и я уже почти решила записаться на завтрашний тур к водопаду, когда краем глаза уловила движение.

Сначала я подумала, что мне показалось. Такое бывает — когда ты чувствуешь взгляд затылком, оборачиваешься, а там пустота.

Но здесь пустоты не было.

Он стоял слева, в трёх метрах, опираясь плечом о колонну. Солнечный свет падал через стеклянную крышу отеля, золотил его волосы — тёмные, почти чёрные, с аккуратной небритостью, которая подчеркивала линию челюсти. Он не смотрел на карту туриста. Не смотрел в телефон.

Он смотрел на меня.

Я застыла.

Буклет выпал из пальцев и шлёпнулся на стойку. Обычная бумажка, а звук показался мне выстрелом в тишине. Потому что внутри меня — в животе, в груди, под коленями — что-то зашевелилось.

Нет, не зашевелилось. Расплавилось.

Я не привыкла, чтобы на меня смотрели «так». Семен смотрел — мимо. Сквозь. В телевизор, в телефон, в тарелку с моими котлетами. Другие мужчины в метро смотрели с мгновенным интересом, который гас так же быстро, как вспыхивал, когда мой силуэт проходил мимо. А этот... Он «видел» меня. Видел каждый сантиметр моего тела, каждую чёртову складочку, и во взгляде не было ни гадливости, ни сожаления.

Голод.

Я назвала бы это голодом.

Колени подкосились. Буквально. Я ухватила за край стойки, и администратор — милостливая девушка с пучком — наклонилась ко мне:

— Всё в порядке?

— Да, — выдохнула я, заставляя себя оторвать взгляд от незнакомца. — Да, всё... прекрасно.

Я указала пальцем на первую попавшуюся экскурсию: «Водопад Чёрных Слез — вечерний выезд». Даже не прочитала описание.

— Записывайте. На одного.

— На сегодня, — девушка сверилась с монитором. — Да, есть места. Автобус в 18:00. Оплата на месте.

Я кивнула, сунула буклет в сумку и развернулась, молясь, чтобы ноги не подвели.

Он всё ещё стоял у колонны.

Теперь я могла разглядеть детали: широкие плечи, обтянутые чёрной футболкой с вырезом, открывающим шею. Загорелую кожу. Руки — с такими жилами, будто он гнул арматуру на завтрак. И родинка над верхней губой, которая делала его красивым по-неправильному. Не гламурно, не вылизано. Опасно.

Я прошла мимо, чувствуя его взгляд на своём затылке. На спине. На бёдрах, которые колыхались под лёгким платьем с цветочным принтом.

«Никаких мужчин, —» стучало в висках. «Никаких. Никаких. НИКАКИХ.»

Я почти поверила.

Он улыбнулся — краем губ, едва заметно — когда я поравнялась с ним.

И я ускорила шаг.

Катя в номере крутилась перед зеркалом, примеряя третье платье за десять минут. Сегодня у неё был второй вечер слевой — они собирались в какой-то местный ресторан с национальной кухней.

— Как думаешь, этот цвет мне идёт? — она вертелась, задирая подол. Бледные колени выглядывали из-под подола смешно и трогательно.

— Ты прекрасна, — отмахнулась я, падая на кровать. Сердце всё ещё колотилось от волнения. — Катя, я сегодня записалась на экскурсию.

— На какую?

— К водопаду. Вечером.

Она замерла, поправляя очки.

— Серьёзно? Одна?

— Ты же занята. — Я пожала плечами. — А я не хочу сидеть в номере и слушать, как ты...

— Ладно-ладно, — она рассмеялась, махнула рукой. — Петрова, езжай на свою экскурсию. Фотки с водопада потом покажешь. А у меня есть занятия поинтереснее.

Она подмигнула, и я отвернулась к стене.

Занятия поинтереснее.

Интересно, она хотя бы спросила, как его зовут?

Хотя нет. Кате это было не нужно. Ей нужно было другое: руки, губы, тело. И ни капли души.

Я вдруг поняла, что завидую ей. Не телу. Не способности находить мужчин. А этой спокойной, почти животной уверенности в том, что она имеет право хотеть. Брать. Не спрашивать разрешения.

Я тоже так хотела.

Но прошло три месяца с того вечера, и моя кожа до сих пор помнила, как Семен отодвигался на край постели. Три месяца, в течение которых я трогала себя сама — быстро, стыдливо, с оргазмом, который скорее походил на чихание, чем на наслаждение.

Я боялась, что забыла, каково это — когда тебя хочет кто-то другой.

Автобус подъехал ровно в 18:00. Микроавтобус на пятнадцать мест, кондиционер дул в затылок так, что зубы сводило. Я села в середине, у окна, стараясь не думать о том, что сегодняшний вечер я проведу одна, среди незнакомцев, которые, вероятно, приехали сюда с любимыми.

Влюблённые парочки заполняли салон.

Они держались за руки, тыкали друг друга локтями, пили из одной бутылки. Я смотрела на них и чувствовала, как что-то кислое поднимается из желудка.

За два места до меня плюхнулась девушка в огромных наушниках и начала кивать в такт неслышимой мне музыке. Её парень остался сзади, громко обсуждая с кем-то по телефону контракт на поставку.

Все места заполнились.

Дверь закрылась.

Я опустила глаза в телефон, прокручивая ленту. Мама написала: «Как отдохнула? Солнышко, не переживай насчёт этого Семёна. Он козёл, каких поискать». Подруга с работы — два смайлика с коктейлями и вопрос: «Ну что, есть кто-нибудь?»

Я сбросила уведомление.

И вдруг воздух в салоне изменился.

Так бывает, когда в помещение входит кто-то большой. Важный. Магнит. Я подняла голову, и моё сердце прописало двойное соло, потому что в дверях автобуса стоял он.

Тот самый. Парень у колонны.

Тёмные волосы сейчас оказались чуть влажными — будто он только что вышел из душа. Футболку сменил на белую рубашку с закатанными до локтей рукавами. На ногах — походные ботинки, но на нём они смотрелись так, будто он собрался не на прогулку в горы, а на завоевание мира.

Водитель что-то сказал ему, показал на свободные места.

Свободные места были только сзади.

Он прошёл мимо меня — и я снова почувствовала этот запах. Что-то древесное. Тлеющее. Опасно-сладкое.

Он сел в последний ряд, прямо за моей спиной.

Я затылком чувствовала его взгляд.

Не прикосновение. Не тепло. Электричество — это слово было слишком слабым. Скорее, тревога. Предчувствие.

«Никаких мужчин, —» напредила я себе, сжимая телефон в потной ладони. «Ты приехала сюда не за этим.»

Автобус тронулся.

Экскурсовод — низенькая женщина в панаме — начала рассказывать о местных легендах, о том, что водопад назвали Чёрными Слезами, потому что вода в нём из-за минералов отливает серебром. Я слушала вполуха, потому что каждый нерв в моём теле был натянут, как тетива.

Он смотрел.

Я знала это. Чувствовала.

Семен смотрел на меня? Нет. Никогда. Не так, чтобы я ощущала его взгляд кожей. А этот... этот жёг.

Когда автобус остановился на первой локации — обзорная площадка с видом на ущелье — я выскочила первой, пряча глаза под козырьком бейсболки.

Красота вокруг была нечеловеческой.

Горы вздымались к небу, покрытые соснами и каким-то низкорослым кустарником, пахнущим смолой и нагретым камнем. Внизу ревела река, разбиваясь о валуны в белую пену. Птицы кружили где-то высоко, почти невидимые на фоне синевы.

Я достала телефон, начала фоткать.

Кадр за кадром. Панорамы. Крупные планы цветов, растущих прямо из трещин в скалах. Где-то вдальеке — силуэт водопада, сверкающий, как расплавленный металл.

— Красиво, правда?

Голос раздался сбоку. Низкий, с хрипотцой. Я подпрыгнула и чуть не выронила телефон.

Он стоял в двух шагах, держа в руках бутылку с водой. Солнце падало ему на лицо, и я видела, как в глазах — тёмных, почти чёрных — отражаются горы.

— Очень, — я заставила себя ответить спокойно.

— Вы одна?

Я кивнула, отводя взгляд.

— Подруга не захотела?

— У неё были другие планы, — я вернулась к фото, надеясь, что он поймёт намёк и отстанет.

Он не понял.

— Давайте я вас сфотографирую, — он кивнул на водопад за моей спиной. — На фоне. Получится красиво.

Я рассмеялась. Горько, нервно.

— Вы шутите? Моя фигура не поместится в кадр.

Он не засмеялся.

Не отвёл глаза. Не сделал вид, что шутка была удачной. Просто посмотрел — медленно, от лица до колен — так, что у меня внутри всё сжалось, а потом расплавилось.

— Не говорите глупостей, — сказал он спокойно. — У вас потрясающая фигура. Такое фото получилось бы на зависть всем.

Я открыла рот.

Закрыла.

Открыла снова.

Он уже уходил — развернулся и направился к ларьку с напитками, не дожидаясь ответа. А я стояла и смотрела на его широкую спину, на то, как рубашка обтягивает лопатки, и не могла поверить, что это вообще происходит.

«Потрясающая фигура.»

Семен называл меня «уютной». «Сладкой». «Пухленькой». Всегда с уменьшительно-ласкательными, которые заканчивались на «еньк». «Пышка». «Сладкая булочка». Я смеялась, потому что думала — это комплименты. Он любит меня «такую». Он поэтому не хочет других? Поэтому смотрит в телефон, пока я раздеваюсь?

Через минуту он вернулся и протянул мне стакан. Прохладный, с конденсатом на пластике. Внутри плескалась оранжевая жидкость с долькой лимона.

— Я не заказывала, — выдохнула я.

— Вам жарко, — он кивнул на мои щёки. — Краснеете сильно.

Не от жары я краснела.

Но стакан взяла. Потому что мои пальцы, предатели, уже тянулись к прохладе. Потому что его взгляд — голодный, пристальный — заставлял забыть обо всех клятвах «никаких мужчин».

— Спасибо, — я сделала глоток. Сладко-кислый, с горчинкой. Гранат.

— Константин, — представился он, делая шаг ближе. Не навязчиво, не нарушая границ. Просто достаточно, чтобы я слышала его голос без напряжения.

— Света.

— Света, — повторил он, и моё имя в его устах прозвучало иначе. Весомо. Будто он пробовал его на вкус. — Откуда вы, Света?

— Из Москвы.

— Я тоже. — Он улыбнулся, и родинка над губой дрогнула. — Москвичка в горах. Что ищите?

«Себя,» — хотела сказать я. Но не сказала.

— Отдыхаю от работы. А вы?

— Отдыхаю от жизни, — ответил он просто. — Приехал на родину. У меня отец кавказец, мать русская. Нужно было впитать силу земли.

— Философски, — заметила я.

— Может быть. — Он пожал плечами. — Устал от города. От суеты. У меня своя фирма, запчасти. Япония, Китай, постоянные перелёты. В какой-то момент поймал себя на мысли, что не помню, когда последний раз просто стоял и смотрел на небо.

Я посмотрела на небо. Оно здесь было другим — глубоким, почти фиолетовым у горизонта.

— Понимаю, — тихо сказала я.

— Недавно развёлся, — добавил он после паузы. — Вот и решил... проветриться.

Я не знала, что ответить. Соболезнования? Они звучали бы фальшиво в моих устах — у меня самой грудь всё ещё болела, если я слишком долго думала о Семёне.

— Жена? — спросила я осторожно.

— Бывшая, — он посмотрел куда-то в сторону гор, и его челюсть напряглась. — Мерзкая, жадная шлюха. Изменяла мне с моим же другом, пока я в командировке был. В Китае.

Слова выстрелили сухо. Без слёз, без надрыва. Просто факт — констатированный, зафиксированный, запечатанный на замок.

Я смотрела на его профиль, на то, как играют желваки, и что-то в моей груди — то самое болезненное, распухшее от обид — дрогнуло.

— Мне знакома эта боль, — сказала я тихо. — Я тоже недавно пережила разрыв. Мой бывший... он тоже изменил.

Константин повернул голову, посмотрел на меня в упор.

— И вы поэтому в горах?

— И поэтому тоже, — кивнула я.

На несколько секунд между нами повисла тишина. Не неловкая. Какая-то... понимающая. Как будто мы оба держали в руках осколки одного и того же разбитого зеркала и молча рассматривали наше общее отражение.

— Пойдёмте, — сказал он, кивая в сторону тропы, которая вела к водопаду. — Я хочу вам кое-что показать.

Я пошла.

И это был первый раз за три месяца, когда я не спросила себя: «а что обо мне подумают?»

Мы проговорили весь вечер.

Оказалось, мы оба не выносим солёные огурцы в бургерах. Мы оба считаем, что лучший фильм девяностых — «Криминальное чтиво», но каждый раз спорим, кто круче — Мистер Блондин или Мистер Белый. Мы оба просыпаемся ровно в 6:30 без будильника, если ложимся до полуночи.

Константин рассказывал о своём бизнесе с иронией, вспоминал, как начинал с гаража и двух китайских контрафактных деталей. Я рассказывала о своей работе — скучной, офисной, где каждый день похож на предыдущий, а единственное развлечение — кофе-брейк с коллегой Леной, которая вечно жалуется на мужа-алкоголика.

Он смеялся моим шуткам — настоящим, громким смехом, от которого у меня внутри всё трепетало.

А когда мы возвращались обратно в автобус, он пропустил меня вперёд, положив ладонь на поясницу. Легко. Почти неощутимо.

Но я ощутила.

Пальцы. Горячие сквозь тонкую ткань платья. Пульс там, где должны быть только сантиметры.

В автобусе он сел рядом — не сзади, а именно рядом, подвинув какого-то парня с рюкзаком. Наши плечи соприкоснулись, и я снова вдохнула этот запах. Древесный, тлеющий, с нотками пота и свободы.

Он не убрал руку.

Я не отодвинулась.

Обратная дорога пролетела так быстро, будто кто-то прокрутил плёнку. Мы говорили о книгах — я любила Пелевина, он — Стругацких. О музыке — я включала «Нервы» когда грустно, он крутил «Короля и Шута» на повторе. О еде.

— Ты готовишь? — спросил он вдруг, перейдя на «ты» так естественно, будто мы знали друг друга сотню лет.

— Люблю, — я кивнула. — Особенно котлеты. Мамин рецепт.

Он усмехнулся.

— Моя бывшая не умела готовить. Считала, что это ниже её достоинства. Заказывала доставку каждый вечер, а я приходил с работы и доедал её остывший рис.

Я промолчала о сковороде. О том, как мечтала разmozжить Семену череп чугунной тяжестью.

— Дура, — сказала я вместо этого.

— Кто?

— Она.

Он посмотрел на меня с удивлением, а потом улыбнулся — широко, тепло, так, что у меня ёкнуло где-то под рёбрами.

— Света, — сказал он тихо. — Ты чертовски приятный человек.

Автобус въехал в город, фонари зажглись за окнами, и я вдруг поняла, что не хочу, чтобы этот вечер заканчивался. Но он закончился. Как и всё хорошее в моей жизни.

Мы вышли у отеля. Катя, наверное, уже дрыхла без задних ног после своего свидания. У её окна горел свет — значит, она ещё не вернулась.

Или уже вернулась с кем-то другим.

— Спасибо за вечер, — сказала я, не зная, куда деть руки.

— Это тебе спасибо. — Он смотрел сверху вниз — я была ниже на полголовы, несмотря на свои сто семьдесят. — Ты делаешь мир ярче, Света.

Я не нашлась, что ответить.

Он не стал ждать.

Просто коснулся моей руки — кончиками пальцев, от запястья до локтя — и ушёл.

В номер я влетела, как ураган. Скинула туфли, бейсболку, упала на кровать. Тело гудело. Каждая клетка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.